

Скопинцев Михаил Трофимович

Мой отец, Скопинцев Михаил Трофимович, уроженец села Алексеевка Матвеево-Курганского района Ростовской области 26.09.1912.года рождения был призван в армию в первые дни Великой Отечественной Войны 1941-1945 г.

На фронт попал не сразу. Сначала попал на Северный Кавказ. Упоминались города Назрань, Беслан, Орджоникидзе. Из Назрани их водили в Орджоникидзе в баню (10 км). В память врезалось из этого периода следующее: всё местное население мужского пола было очень равнодушно ко всей военной атрибутике: малыши просили продать им или пилотки, или звёздочки с пилотов, ну а взрослые мужчины - оружие.

Был такой случай – один нестарый, весьма крепкий и упитанный мужчина попросил продать ему автомат. Диалог был приблизительно такой:

Не без издёвки ему посоветовали:

- Не трать денег, иди на фронт, там бесплатно автомат получишь.
- Мне на фронт нельзя, я больной.
- Ну, если больной, зачем же тебе в таком случае оружие?
- А я буду здесь немцев бить, когда они сюда придут.

Да и вообще местное население, кавказцы, на фронт не спешили. Работал военкомат в таком режиме: явившимся с повестками призывникам выдавали оружие, и до утра -

времени отправки на фронт определяли на ночлег, откуда ночью они сбегали в горы. Утром команды из военкомата отправлялись на их поиски.

Несколько месяцев пробыл отец в составе одной из трёх армий расположенных на Советско-Иранской границе в Азербайджане для защиты бакинской нефти. Солдаты, слушая горькие вести с фронта о безудержном натиске противника, ходили к командованию, требовали отправки их на фронт.

Воевал отец во 2-м Украинском фронте под командованием генерала Ватутина в горно-вьючной артиллерии корпуса Плиева Иссы Александровича.

Первое ранение получил под городом Купянск Харьковской области Украины. Шёл невероятно тяжёлый бой, замыкалось кольцо окружения наших войск. Это был Купянский котёл, как потом, спустя десятилетия, узнал отец из материала в газете «Комсомолец», а тогда на месте сражения простые солдаты и не знали, что попадали в окружение, в плен. А вот ранение - челюстно-лицевое, тяжёлое помогло отцу избежать плена таким образом: получив на месте боя первую помощь, отец был направлен дальше на лечение, на какую-то железнодорожную станцию, расположенную в 120 км от места сражения. Вместе с другими ранеными бойцами он пошёл в указанное место пешком. Вскоре им попалась попутка, где-то половину пути они проехали, дальше грузовик уехал в другом направлении. Потом ещё одна удача на их долю выпала и вторую часть пути им довелось проехать. На вокзале, как и на поле боя, стояла невероятная суматоха - спешно грузился санитарный поезд. Здание вокзала было забито носилками с лежащими ранеными, ну а те, кто мог передвигаться грузились самостоятельно. После отправки поезда на обходе врач поинтересовался, чего-бы отец хотел поесть. Этот вопрос очень отца удивил, он думал, что в такой обстановке о разнообразии блюд и говорить нечего, но оказалось, что даже в таких тяжёлых условиях для раненых было всё сделано и предусмотрено. Ему принесли еду с учётом ранения - жевать он мог всё мягкое, нежное, в том числе плитку шоколада. Во время поездки, эшелон с ранеными делал остановки по всему пути следования. Так вот, что запомнилось отцу из этого: по территории Украины и России на остановках женщины заходили в вагоны и раздавали раненым продукты, какие могли, на территории же Кавказа продавцы при остановке поезда с ранеными убегали со своим товаром, чтобы ничего даже не продать. Путь к месту лечения проходил через Баку с переправой по Каспию до Красноводска и конечную станцию в Душанбе.

После выздоровления отец получил полугодовой отпуск. В то время наше село было на оккупированной территории и отпуск отец провёл в Южном Казахстане, с. Малая Успенка Ленгерского района Чимкентской, а в то время Южно-Казахстанской области в семье Папчикиных. Остановился он в Чимкенте только потому, что местность тамошняя была очень на нашу похожа. За время отпуска он и денег смог заработать, и была у него возможность там, в глубоком тылу всю войну до победы пробыть, но он этого не сделал. На мой вопрос почему? Отец ответил так: «Так подумал, если я так сделаю, да ещё один, другой, третий, то и немцев бить будет некому». По окончании отпуска получив повестку, уехал на сборный пункт в г. Алма-Ата, в то время на привокзальной площади слышал сводку Сов информбюро о том, что Ростовская область полностью освобождена от фашистских захватчиков. Написал с вокзала письмо домой и уехал на фронт.

Второе и последнее ранение в правую руку отец получил под г. Будапешт, столице Венгрии. У нас была всего одна фронтовая фотография отца. На ней он изображён в каракулевой серой папахе, гимнастёрке, с привинченным с правой стороны орденом Красной звезды. Я, к сожалению, не знаю, за какой подвиг он его получил, поскольку дома я ордена никогда не видела, а на орден на снимке, я внимания не обращала, до поры до времени. В жизни отец никогда наград не надевал, не любил. Обратив внимание на такую нестыковку - в жизни не носит, а на фото - с орденом, я спросила отца за награду? Папа сказал, что орден его. Вот дальнейшая история награды. Под Будапештом бой был жуткий, тяжёлый и долгий. Отец получил ранение в правую руку, видимо он потерял сознание и во время зачистки санитарями поля боя его посчитали мёртвым и пропустили. Очнулся он ночью, увидел над собой звёздное небо, услышал бой где-то очень далеко и понял, что фронт ушёл дальше. Вдруг услышал скрип брочки, русскую речь и не просто русскую речь, а голос своего однополчанина, позвал на помощь. Доставили его во фронтовую операционную палатку. В палатке было два операционных стола хирурга в окровавленных халатах и по углам палатки две кровавых груды - в одной ампутированные конечности, в другой снятая с солдат окровавленная одежда, куда попала и отцовская гимнастёрка вместе с орденом. Так и осталась награда отца там, под Будапештом в куче окровавленной одежды.

После лечения в госпитале отца комиссовали, получил он 3 группу инвалидности. Приехал домой в конце 1944 года. В рас парованных ботинках с единственным трофеем - румынскими ножничками.

Побывал отец за время войны в пяти странах Иране, Польше, Румынии, Чехословакии, Венгрии и видел всякое. Самая бедная страна Иран, у ханских слуг на ветхих халатах заплатки старые, залатаны новыми. Самая богатая Венгрия, там, в подвалах отец увидел необыкновенное изобилие: кольца колбас, бочки с вином, шоколад и совершенно невероятное и диковинное чудо - консервы в стеклянных банках. Лучше всего красноармейцев принимали в Чехословакии. В село они вошли глубокой ночью, но, несмотря на это, их встречали пирогами, объятьями, поцелуями, звали каждый к себе, просили забрать немцев «тёпленькими». В Румынии отец был в двух городах: Ардебиль и Сибиу. Хуже всего в Польше. Очень много солдатиков было расстреляно из-за красавиц польских. Были и потешные случаи в Румынии в частности: в Румынию вступили вечером, в селении ни души, солдаты расположились на отдых в ожидании ужина. Наверное, запахло в воздухе вкусно, так как тут вдруг откуда-то из темноты к ним вышел старик с ребёнком. Солдаты встретили их приветливо, гостеприимно, накормили. Исчез старик с ребёнком, а время спустя возвратился старик со всеми односельчанами, прятавшимися в ближайшем поле кукурузы, так как все они были запуганы рассказами немцев о Русских, якобы злых, беспощадных, жестоких, не щадящих ни старого, ни малого.

Ну и к вопросу о КПСС, спрашивала я у отца, писали ли они перед боем заявление о вступлении в партию? Да, он писал заявления о приёме в партию, но ни разу не был принят, потому что после боёв не только заявлений, но и политработников в живых не оставалось. А война снилась отцу до самой смерти.

Скопинцева Мария Михайловна